

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 2

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Reponsabil de volum/responsible for volume: dr. Ghenadie Sîrbu

Secretar de redacție/editorial secretary: Livia Sîrbu

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. hab. **Dumitru Boghian** (Târgu Frumos), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciiov** (Chișinău), dr. **Alexandr Diachenko** (Kiev), dr. **Vasile Diaconu** (Târgu Neamț), dr. **Mariana Guceanu** (Iași), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), prof. dr. **Elke Keiser** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), dr. **Sergiu Matveev** (Chișinău), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), dr. **Octavian Munteanu** (Chișinău), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), prof. dr. **Marzena Szmyt** (Poznan), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău), dr. **Aurel Zanoci** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Regina A. Uhl (<i>Berlin</i>) Innovationen und Schlüsseltechnologien im 4. Jt. v. Chr.	5
Илья Палагута, Елена Старкова (<i>Санкт-Петербург</i>) О структуре археологического и функционального керамического комплексов Кукутень-Триполья	18
Mariana Sîrbu, Denis Topal, Eugen Sava, Lazar Dermenji (<i>Chişinău</i>) Bronze objects discovered in the settlements of the Noua-Sabatinovka cultures from the collection of the National Museum of History of Moldova	37
Vasile Iarmulschi (<i>Chişinău/Berlin</i>) Cu privire la cronologia și periodizarea necropolei de tip Zarubincy de la Voronino	62
Dan Matei (<i>Turda</i>) Reutilizarea postromană a elementelor de cultură din teritoriul provinciei Dacia. I. O introducere în problematică	68
Ольга Манигда (<i>Киев</i>) Средневековые городища на Южном Буге. Освоение пространства и предназначение укреплений	78
Сергей Тараненко (<i>Киев</i>) Каменные стены Печерского монастыря XII века	87

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Chişinău/Aix-en-Provence</i>) A revision of Gervais' archaeozoological collection from the Middle and LatePaleolithic site of Tournal Cave, France	108
Adela Kovács (<i>Botoşani</i>) Considerații metodologice privind analiza dactiloscopică efectuată asupra unei statuete antropomorfe din faza Cucuteni A-B	116

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Alexandru Szentmiklosi , <i>Așezările culturii Cruceni-Belegiș în Banat.</i> (Editor: Ioan Bejinariu), Editura Mega, Cluj-Napoca 2021, 410 p. text și 193 planșe. ISBN 978-606-020-364-3 (Ioan Bejinariu, <i>Zalău</i>)	127
George-Dan Hânceanu, Angela Simalcsik, Robert Daniel Simalcsik, Vasile Diaconu, Lucian Munteanu, Otilia Mircea, Viorica Vasilache, <i>Arhiepiscopia Romanului și Bacăului. Cimitirul medieval și complexele laice din perimetrul sud-vestic al incintei bisericești: rezultatele cercetării preventive din anul 2015,</i> Brăila, Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, Piatra Neamț, Editura „Constantin Matasă”, 2021, 786 p.	

ISBN: 978-606-654-434-4; ISBN: 978-973-7777-60-7
(Lidmila Bacumenco-Pîrnău, *Chişinău*)131

IN HONOREM

**Profesorul Marin Cârciumaru la cea de-a 80-a aniversare:
peste 50 de ani de activitate de cercetare arheologică**
(Elena-Cristina Nițu, Ovidiu Cîrstina, *Târgoviște*)133

IN MEMORIAM

In memoriam Alexandru Szentmiklosi (1971-2019)
(Andrei Georgescu, *Timișoara*)137

In memoriam Vasile Chirica (3.07.1943 – 18.04.2021)
(Alexandru Berzovan, *Iași*)139

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION141

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE142

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE143

Сергей Тараненко

Каменные стены Печерского монастыря XII века

Key words: archeology, fortification, Pechersk Monastery, walls, plinth, Kyivan Rus.

Cuvinte cheie: arheologie, fortificație, Mănăstirea Pechersk, val, plintă, Rusia Kieveană.

Ключевые слова: археология, фортификация, Печерский монастырь, стена, плинфа, Киевская Русь.

Sergiy Taranenko

The walls of Pechersk monastery (12th century)

The article is devoted to the study of fortification walls of Pechersk monastery (12th century) – a unique site of monumental architecture of Kyiv in the principality era. The analysis of the written sources allows the researcher to consider critically the dating of a single epistle that directly points to the existence of the walls and the time of their construction. Archaeological excavations held in 1951-2018 not only confirmed the existence of the walls, but also allowed the archaeologists to reconstruct their structure. Additional research carried out in 2018 made it possible to partially reconstruct some engineering and structural preparatory steps that preceded the construction of the walls, their height and planigraphy in the territory of Pechersk monastery. The study of analogous constructions located in the territory of Kyivan Rus revealed common features in the use of materials necessary to construct walls in Kyiv and Pereyaslav. Besides, some basic structural elements appeared to be similar to those used to construct Staraya Ladoga and Izborsk monuments.

Serghei Taranenko

Zidurile de piatră ale Mănăstirii Pechersk din secolul al XII-lea

Articolul prezintă rezultatele studierii unui monument de unicat al arhitecturii monumentale a Kievului din perioada knezilor, și anume, zidurile de fortificație a mănăstirii Pechersk din secolul al XII-lea. Analiza surselor scrise ne permite să reconsiderăm critic datarea singurei epistole care indică direct existența zidului și momentul construirii acestuia. Săpăturile arheologice efectuate în anii 1951-2018 au confirmat existența zidurilor de piatră și, totodată, au făcut posibilă reconstrucția acestora. Cercetările arheologice suplimentare efectuate în anul 2018 au permis reconstituirea parțială a unor metode ingineresti și de construcție în ceea ce privește pregătirea preliminară pentru ridicarea zidurilor, precum și stabilirea înălțimii și planimetriei acestora în perimetrul Mănăstirii Pechersk. Analogiile din alte orașe ale Rusiei Kieveane au dezvăluit caracteristici comune ale materialelor de construcție utilizate la ridicarea zidurilor din Kiev și Pereyaslav, iar unele elemente structurale fundamentale sunt similare cu zidurile din Staraya Ladoga și Izborsk.

Сергей Тараненко

Каменные стены Печерского монастыря XII века

В статье представлено исследование, посвященное уникальному памятнику монументальной архитектуры княжеского времени Киева – фортификационным стенам Печерского монастыря XII в. Анализ письменных источников позволяет критически рассмотреть датирование единственной эпистолии, которая напрямую указывает на существование стены и время её строительства. Археологические раскопки, проведенные в 1951-2018 гг. не только подтвердили существование каменных стен, но и позволили предложить их реконструкцию. Проведенные дополнительные исследования в 2018 г. дали возможность частично реконструировать некоторые методы инженерно-строительной подготовки перед возведением стен, а также их высоту и планиграфию на территории Печерского монастыря. Аналогии в городах государства Киевская Русь выявили общие черты использования материала при строительстве стен в Киеве и Переяславе, а некоторые принципиальные элементы конструкции похожи на стены в Старой Ладогe и Изборске.

Впервые каменные стены Печерского монастыря археологически зафиксированы В. Богусевичем в 1951 г. на территории Митрополического сада современного Национального заповедника «Киево-Печерская лавра». Фрагменты этой стены также исследовали в 1991-1992 г. и в 2007 г. на других участках Верхней лавры, но раскопки имели или научно-спасательный характер, или

проводились небольшой площадью. В 2018 г. исследование монастырских стен проводилось с целью верификации данных В. Богусевича и выявления новых участков монументальной конструкции. Полученная информация позволила очертить ряд проблем, связанных как со строительством стен, так и с будущей музеефикацией памятника XII в.

Анализ письменных источников

Письменные источники о каменной стене Печерского монастыря единичны и лаконичны. Впервые монументальные фортификационные монастырские сооружения упоминаются в «Послание некоего старца къ богоблаженному Василию архимандриту в скиме». Авторство приписывают Кириллу Туровскому, а адресата произведения обычно отождествляют с настоятелем обители, архимандритом Василием, избранным на эту должность в 1182 г.: «тобою же не точию церковь бо содела, но и стены каменья около святыя лавры созда» [Ponyrko 1992, 166-170]. Как считал С. Бессонов, сооружение каменных стен в 80-х гг. XII в. могло быть обусловлено необходимостью восстановить монастырь после катастрофического погрома Киева в 1169 г. Андреем Боголюбским [Bezsonov 2015, 60]. Информация о существовании стен основывается также на сведениях в «Синописе» Иннокентия Гизеля (1674): «Самый монастырь окрестъ каменными стѣнами обведенъ бысть на два стрельбища; въ толстоту же или въ широту каменна стѣна бѣше на сажень...» [Gizel' 1873, 65]. Сообщение важно как доказательство того, что стена действительно существовала и через несколько веков после её уничтожения о ней осталась упоминание. Приведенные параметры ее длины также дают определенный ориентир для общей реконструкции, но, очевидно, что они требуют археологической проверки.

Тезис о строительстве стены при игумене Василии был поддержан ведущими археологами и специалистами древнерусского монументального строительства: однако сегодня существует возможность пересмотреть дату строительства стен путем анализа упомянутой эпистолии «Послание некоего старца къ богоблаженному Василию архимандриту в скиме» [Taranenko, Kabanets' 2019].

События, описанные в «Послании», разворачиваются на историческом фоне, достаточно хорошо освещенном письменными источниками. Избрание Печерского архимандрита Василия засвидетельствовано не только в цитированном послании, но и в синхронных летописных сборниках. В Ипатьевской летописи под 6690 (1182) г. сообщается, что после смерти предыдущего настоятеля Поликарпа был избран новый игумен Василий «... Послемся к Васильеви попови на

Щьковицю, абы быть намъ игумень...» [PSRL 1962, 627-628]. Игумен Василий упоминается в летописи еще дважды – 1 января 6691 (1185) г. [PSRL 1962, 634] он участвовал в освящении церкви св. Василия на Большом дворе в Киеве, а 6 декабря 6705 (1197) г. присутствовал на торжественном пиршестве у киевского князя Рюрика Ростиславича по поводу освящения церкви св. Апостолов в Белгороде [PSRL 1962, 706-707].

В то же время летописная дата избрания Василия Печерским архимандритом противоречит сопутствующим хронологическим коллизиям, связанным с его деятельностью на этом посту. Согласно общепринятым представлениям, упомянутая эпистолия была составлена известным церковным проповедником Кириллом, епископом Туровским, который занимал свою кафедру с конца 1160-х до 1182 г. [Shcharov 1989, 208]. Однако на момент избрания Печерского игумена Туровскую епархию возглавлял уже его преемник Лаврентий, который, к тому же, принимал непосредственное участие в процедуре посвящения Василия: «и приѣхъ митрополитъ Микифоръ на пострежение его, и Туровский епископъ Лаврентѣи, и Никола, Полотский епископъ, и вси игумени» [PSRL 1962, 627-628].

На подобное несоответствие давно уже обращали внимание филологи и богословы [Golubinskii 1901, 810; Eremin 1955, 344-345; Podskal'ski 1996, 92, 168, 252, 261-262]. Гипотеза о том, что эпистолия Кирилла Туровского является псевдоэпиграфом, сейчас оспаривается большинством филологов и историков. Сопоставления лексики и стиля самого послания с остальными литературными произведениями Кирилла позволило Н. Поньрко подтвердить сходство и отчасти полную их идентичность, в том числе совпадения метафорических приемов, использование притчевого метода аргументации, параллелизм формулировок и т.д. [Ponyrko 1992, 158-161].

Из этого следует, что Василий и Кирилл не могли лично общаться или переписываться между собой и даже вообще иметь хотя бы формальный повод для такого общения – они принадлежали к разным поколениям и социальным слоям. Уход от активной церковной деятельности одного из них пришелся на времена, предшествовавшие возвышению другого.

Следовательно, можно предположить, что адресатом Кирилла Туровского в «Послание ... в скиме» мог быть только человек одного с ним возраста, которого он мог хорошо знать до получения архиерейского сана, и который начал свою духовную карьеру примерно в то же время, когда Кирилл получил епископское посвящение – во второй половине 1160-х гг. Вполне вероятно, что этим человеком был архимандрит Поликарп, заметная историческая фигура в жизни Печерского монастыря последней трети XII в. Более того, он имел огромный духовный авторитет

даже за пределами Киева и влиятельные политические связи в среде аристократии. Но тогда возникает очевидный вопрос: почему в письме названо имя Василия, а не Поликарпа? Возможно, ответ кроется в практике создания умышленных ошибок при переписывании старых документов в позднее средневековье и эпоху модерна для возвеличивания одной персоны или наоборот для уменьшения роли другой.

Предположение, что адресатом эпистолии был Поликарп, позволяет предложить новую датировку строительных работ, связанных с возведением каменных стен вокруг Верхней лавры – 60-80-е гг. XII в. Пересмотр начала строительства стен открывает новые возможности для более узкой датировки отдельных категорий материала, прежде всего плинфы. Это в свою очередь может дать основание для определения времени строительства других древнерусских монументальных комплексов, которые не могут быть четко датированы по письменным источникам. Однако попытка доказать высказанную гипотезу сегодня не представляется возможным без обнаружения новых источников. Но это путь к решению разве что одной из проблем, связанных с существованием оборонных стен Печерского монастыря.

Археологические исследования 1951 г.

Впервые археологическое выявление каменных стен древнейшего монастыря Киева произошло в 1951 г. на территории Митрополичего сада Киево-Печерской лавры (рис. 1; 3, «А»;

Рис. 1. Раскопки В. Богусевича, 1951 г. на территории Митрополичего сада Киево-Печерской лавры.

Fig. 1. Excavations carried out by V. Bogusevych on the territory of the Metropolitan Garden of Kyiv-Pechersk Lavra (1951).

4,51.1). Вследствие разрушения подземных сооружений образовались четыре провала глубиной до 5 метров, в одном из них В. Богусевичем была обнаружена кладка из бутового камня, плинфы и цемянки. По размерам плинфы и способу строительства она была определена им как древнерусская. Через несколько недель были начаты стационарные археологические исследования силами экспедиции Института археологии АН УССР [Bogusevich1951]. Найденный объект был атрибутирован как крепостная стена. Она размещалась на глубине 0,4 м от тогдашней дневной поверхности и была расчищена на длину 7,5 м. Ее ширина составляла 2 м (рис. 2). Сохранность памятника позволила зафиксировать как фундаменты сооружения – два параллельных рва размерами 0,7×0,8 м, заполнение которых состояло из кусков колотого песчаника и гранита с фрагментами плинфы, так и фрагмент верхней части стены. Она представляла собой два ряда кладки плинфы на известковом растворе, пространство между которыми забутовано фрагментами плинфы и цемянкой. От кладки сохранились местами 3-4 ряда плинфы размерами 23×26×4 см и 20×28×4 см. Для подтверждения существования стены и выяснения её направления были заложены два дополнительных раскопа на территории Митрополичего сада – один в 12 м к югу, другой

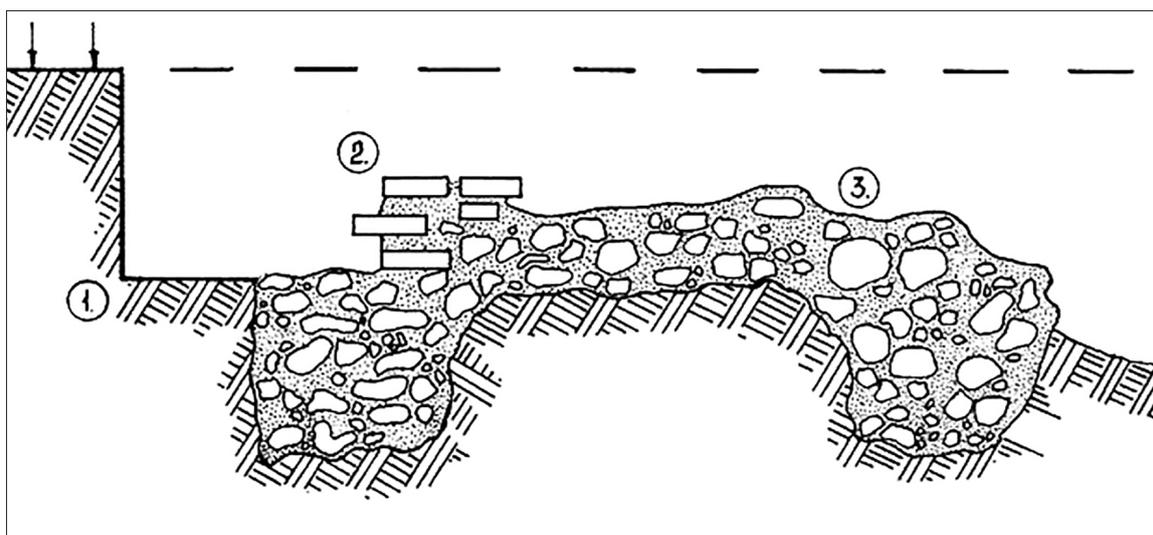

Рис. 2. Реконструкция стены Печерского монастыря XII в. (автор В. Богусевич) (1. Уровень дневной поверхности XII в.; 2. Остатки кладки каменной стены; 3. Бутовый фундамент каменной стены XII в.).

Fig. 2. Reconstruction of the wall of Pechersk monastery 12th c. (author V. Bogusevych) (1. The level of the ground surface, 12th c.; 2. The remains of the masonry of the stone wall; 3. The rubble foundation of the stone wall, 12th c.).

– в 12 м к северу от зафиксированного фрагмента (рис. 3, «Б», «В»; 4,51.1). Материалы всех трех раскопов свидетельствовали о расположении стены по трассе с юго-востока на северо-запад в направлении Троицкой надвратной церкви.

Ценность научного открытия и возможности экспедиции Института археологии позволили исследовать стены еще на двух участках Верхней лавры в этом же году. Раскоп № 5 был расположен на участке примыкания монастырских («Мазепинских») стен XVII-XVIII вв. к юго-западному углу Троицкой церкви, а также вдоль западной трети южного фасада храма (рис. 3, «Г»; 4,51.3). В научном отчете указано, что «фундамент оборонительной стены, состоящей из битого кирпича на известковом растворе, заложен на глубину 75 см от уровня почвы XII в. Наземные части крепостной стены XII в. здесь сохранили шесть рядов кирпичной кладки, которая имеет высоту в 40 см. Характер кладки такой же самый как на раскопе 1. По длине этот участок стены сохранился на 160 см» [Bogusevich 1951, 7-8]. Кроме того, установлено, что оборонительные стены не связаны со стеной церкви, а приставлены к ней и примыкают к южной пилястре западного фасада церкви. Это свидетельствует, по мнению В. Богусевича, что возводились конструкции в разное время.

Полученная информация, на наш взгляд, требует тщательного анализа, кроме факта на-

личия древнерусской стены на этом участке. Площадь раскопа составляла всего чуть более 13 кв. м, а фрагмент стены сохранился на небольшом участке длиной 1,6 м. Очень важный момент – не было зафиксировано остатков рва. Возможно, строители монастырских («Мазепинских») стен XVII-XVIII вв. использовали блок с уже разрушенных стен XII в. длиной 1,6 и высотой 0,4 м для конструкции своих фундаментов, который и был поставлен «встык» с объемом Троицкого храма. Можно предположить, что примыкание каменных стен к Троицкой надвратной церкви было иным, чем представлено в реконструкции В. Богусевича и Ю. Асеева: «оборонительная стена в обоих случаях и в XII в. и в позднейшее время выступает перед церковью с проездной башней, которая как бы отодвинута внутрь крепости» [Bogusevich 1951, 8; Aseev, Bogusevich 1951] (рис. 5).

Следующий раскоп В. Богусевича (№ 6) находился в 8,3 м севернее Троицкой церкви (рис. 3, «Д»; 4,51.2). На глубине до 2,4 м от тогдашней дневной поверхности были «расчищены остатки фундаментов стены XII в.» в виде полосы бутового камня и обломков плинфы. Ширина полосы, ориентированной в общем направлении север – юг, составляла около 2,0 м. Очевидно, что, по сути, строительный мусор был обозначен как конструкция стены и полноценные исследования не были проведены. Это замечание

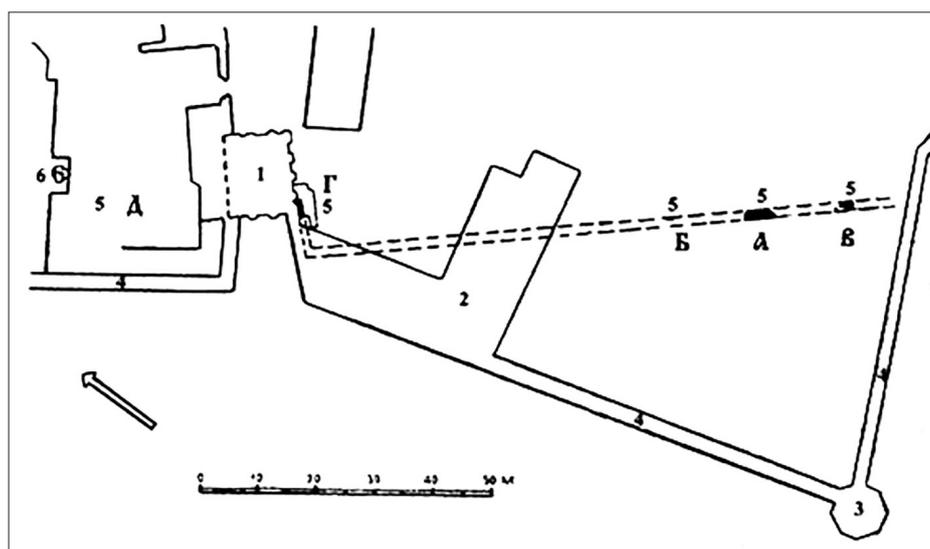

Рис. 3. План-схема размещения раскопов В. Богусевича (А-Д, 1951 г.; Е, 1957 г.).

Fig. 3. Plan-scheme of the excavation placements carried out by V. Bogusevich (A-D, 1951; E - 1957).

очень важно в контексте следующих исследований В. Богусевича в 1957 г. (рис. 3, «Е»; 4,57): «во время работ по реставрации Никольской боковой церкви конца XVII в., около юга западного угла Никольской церкви, в шурфе (размерами 2×1,5 м) была обнаружена нижняя часть оборонительной стены XII в. Оказалось, что западная стена церкви конца XVII в. поставлена на остатки крепостной стены XII в.» [Aseev, Bogusevich 1951, 40]. Не сложно, рассматривая план с раскопами В. Богусевича, определить, что трасса стены не могла проходить одновременно через раскоп «Е» и «Д». Очевидное несоответствие, которое снова заставляет усомниться в реконструкции В. Богусевича и Ю. Асеева. На это в своё время обратила внимание исследовательница М. Ткаченко, заметив, что археологический объект не проиллюстрирован и не указано на какой глубине открыты фундаменты [Tkachenko 2007, 49].

Таким образом, археологическими исследованиями в 50-е гг. XX в. на шести участках открыты остатки каменной конструкции, которую автор раскопок В. Богусевич интерпретировал как западный фасад оборонительных стен Печерского монастыря второй половины XII в. [Aseev, Bogusevich 1951]. Трасса монастырской фортификации была подтверждена археологическими исследованиями протяжённостью 135 м. Полученные материалы на длительное время стали ориентиром для ар-

хеологов и архитекторов и воспринимались как основной археологический источник для различных реконструкций древнерусских стен Печерского монастыря. При этом современный анализ позволяет усомниться в некоторых выводах ученых, в частности, о наличии уступов стены тождественных современным в домонгольский период [Tkachenko 2007, 49].

Археологические исследования 1991-1992 гг.

Следующим этапом изучения каменной стены монастыря стали исследования В. Харламова в 1990-х годах. В 1991 г. в раскопе № 3 в хозяйственном дворе заповедника вдоль внутренней стороны монастырских стен XVII-XVIII вв. (рис. 4,91.9) на глубине 1,4 м от современной дневной поверхности была обнаружена кладка из плинфы, которая размещалась на фундаменте из «железистого песчаника со строительным мусором». Удалось зафиксировать толщину кладки 0,1-0,2 м и параметры одного рва: ширина – 1,3 м, глубина – 0,7-0,9 м [Kharlamov et al. 1991].

В 1992 г. исследователь продолжил целенаправленный поиск древнерусской стены (рис. 4,92.4). У внутренней части западного угла стены XVII в. был заложен очередной раскоп. На глубине 1,4-1,6 м от дневной поверхности в северной части раскопа зафиксирована плохой сохранности кладка из плинфы (размерами 35×28×3-4 см) на известково-песчаном растворе. Удалось определить ширину

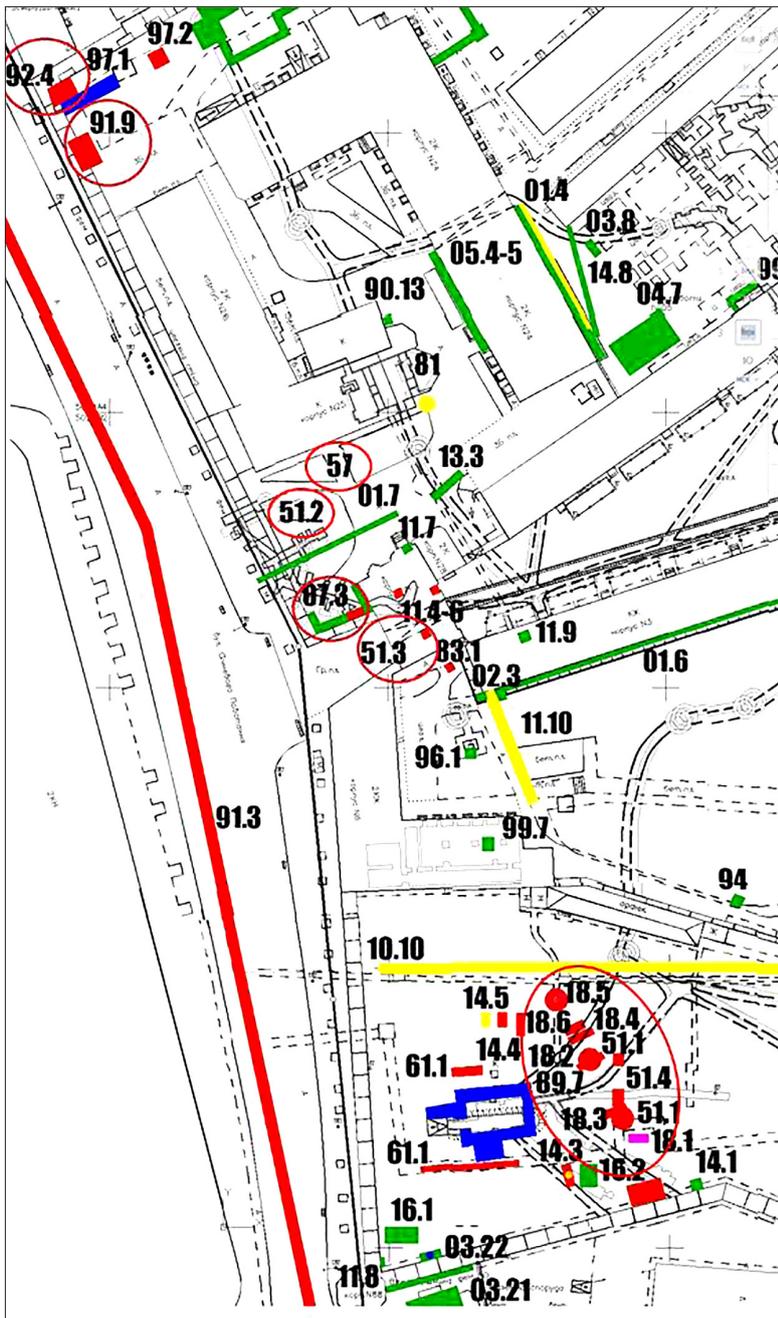

Рис. 4. Фрагмент электронной Археологической карты территории Национального заповедника «Киево-Печерская лавра» (автор С. Тараненко).

Fig. 4. Fragment of the electronic Archaeological map of the territory of the National Preserve "Kyiv-Pechersk Lavra" (author - S. Taranenko).

стены – 1,6-1,75 м, толщина кладки составляла от 0,2 до 0,4 м. Она размещалась на фундаменте, который состоял из железистого песчаника и крупного камня, глубина фундаментного рва достигала 0,45 м [Kharlamov et al. 1992].

Двухлетнее исследование позволило исследователю сделать определенные выводы относительно обнаруженного объекта:

- конструкция зафиксированных стен аналогична выявленным в 1951 г. и, собственно, подтверждает их датировку XII в., хотя В. Харламов подчеркнул, что стена, обнаруженная в 1992 г., имеет большую толщину;

- направление трассы древнерусских стен в целом совпадает с направлением «Мазепинской» стены XVII в.;

- неудовлетворительная сохранность стен XII в. не позволяет сказать с уверенностью, поворачивают они на восток параллельно «Мазепинским» стенам или размещаются дальше на север.

Очевидно, что есть много общего в конструкциях, зафиксированных в 1951 и 1991-1992 гг., – это и кладка из плинфы, которая размещалась на фундаментной группе, и наличие фундаментного рва с идентичным заполнением – железистый песчаник и камень. Но в 1951 г. было зафиксировано два рва. Отличаются также размеры плинфы, основного строительного материала, и параметры верхней части стены. Трудно сделать выводы по небольшим фрагментам фиксации конструкции. Возможно, мы имеем дело с ремонтами или с разновременным строительством

разных участков стены. Разница в конструкции может быть связана еще с локальной топографией, которая требовала строительства стены различной мощности на различных участках.

Археологические исследования 2007 г.

В 2007 г. во время спасательных археологических работ между пристройкой к Троицкой надвратной церкви XVIII в. и западным фасадом монастырских стен (рис. 4,07.3) были вновь зафиксированы «остатки лаврских стен

Рис. 5. Реконструкция Троицкой надвратной церкви Печерского монастыря 1106-1108 гг. (автор Ю. Асеев).

Fig. 5. Reconstruction of the Trinity Church Gate of Pechersk Monastery 1106-1108 (author Yu. Aseev).

конца XII в.» [Balakin 2007] в виде полуовального блока кладки длиной (в профиле бровки) 2,5 м и высотой до 0,5 м (рис. 6). Кладка стены сохранилась на высоту 6 рядов, выполненных преимущественно коричневой плинфой (27,5×21×4,0 см) на слабом цемянковом растворе бежевого цвета. В трех случаях в кладке зафиксирована плинфа желтого цвета, одна из плинф, толщиной 6 см, имеет красный цвет; еще одна – лекальная (очевидно, повторного использования, подчеркивает наличие ремонта). Под кладкой зафиксирована фундаментная площадка мощностью от 5 до 15 см из светло-желтого чистого известкового раствора и фундаментный ров размерами 1,2×0,35 м, заполненный железистым песчаником и фрагментами плинфы на цемянковом растворе.

Можно снова констатировать общие конструктивные элементы стен, исследованных в разные годы: кладка из плинфы, фундаментная площадка, фундаментный ров, состав заполнения фундаментного рва. Разница размеров

плинфы по сравнению с раскопками предыдущих лет, по нашему мнению, свидетельствует о локальных ремонтах после строительства стен. Возможно, надо признать и недостаточный уровень изучения хронологии изготовления отдельных типов плинфы. По мнению С. Балакина, расположение плинфы в блоке кладки позволяет утверждать, что трасса древнерусской стены почти точно совпадала с линией восток – запад. Значит была зафиксирована часть стен, которые выступали перед воротами (въездом) Троицкой надвратной церкви.

Очень важной для изучения фортификации Печерского монастыря стала фиксация под кладкой XII в. контуров двух ям, запуск которых происходил фактически с одного уровня. Заполнение ямы № 1 (0,5×1,0 м) представляло собой смешанный гумусированный грунт, насыщенный обломками плинфы, крошками цемянкового раствора и древесного угля. Яма №2 расположена с западной стороны предыдущей и отделена от нее небольшой (0,2-1,2 м) перемычкой из перемешанного (с лёсом) гумусированного грунта без находок, четких контуров не имела. Ее глубина составляла около 0,7-0,8 м. По мнению С. Балакина, зафиксированный комплекс из двух ям может принадлежать остаткам монастырской ограды – «столпия», а именно, рвам древо-земляного укрепления, сооруженного одновременно со строительством Успенского собора (1073-1089) [Litopis 1989, 97]. В таком случае деревянная стена размещалась по оси север-юг. Этот вывод стал базой для реконструкции «столпия», представленной В. Лукьянченко (рис. 7).

Выводы С. Балакина противоречивы, и мы не будем разбирать данные всех исследований, а коснёмся только аспекта реконструкции каменной стены XII в. Зафиксированный блок размещён широкой стороной плинфы, и, судя по зафиксированным фрагментам стены в 1951, 1991-1992 и 2018 гг., фундаментные рвы должны находиться параллельно верхней конструкции стены, а не перпендикулярно, как представлено (рис. 6). Если же зафиксированные ямы являются частью фундаментов «столпия» XI в., они должны были быть разрушены фундаментным рвом каменной стены XII в. Таким образом,

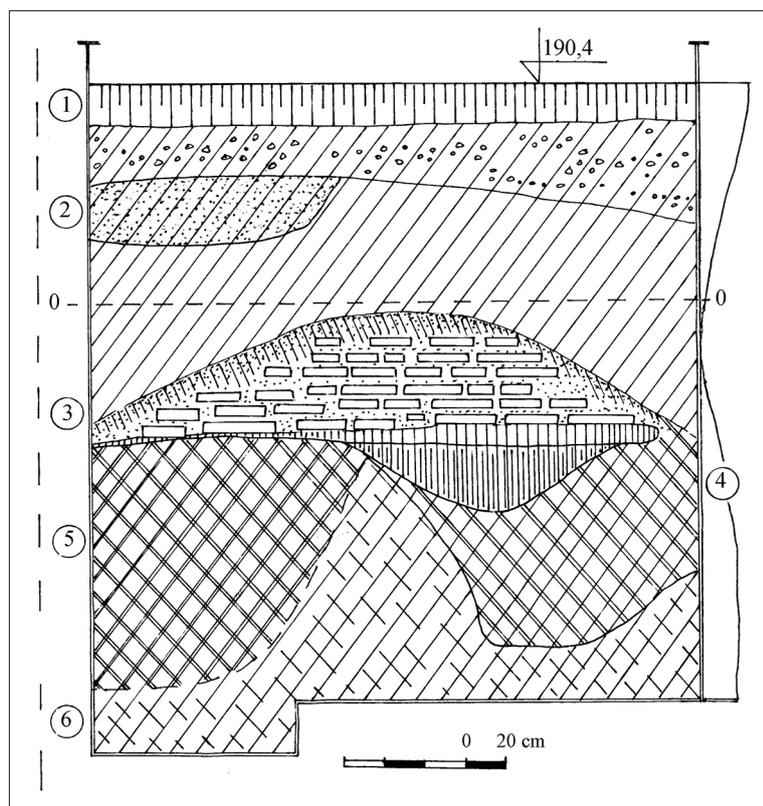

Рис. 6. Раскопки С. Балакина, 2007 г. Профиль северной бровки траншеи (1 – современная поверхность; 2 – перемешанный гумусированный грунт с линзами из песка; 3 – кладка из плинфы стены XII в.; 4 – яма №1; 5 – яма №2; 6 – перемешанный слабогумусированный лесовый грунт).

Fig. 6. Excavations carried out by S. Balakin (2007). Profile of the northern edge of the trench (1 - modern surface; 2 - mixed humus soil with sand lenses; 3 - masonry plinth wall of the 12 c.; 4 - pit No. 1; 5 - pit No. 2; 6 - mixed low-humus loam soil).

либо зафиксированный блок не является частью стены, либо комплекс ям не имеет отношения к каким-либо фортификационным сооружениям. В. Козюба высказывал предположение, что, как минимум, одна из ям имеет позднее происхождение [Kozhuba 2010]. Это лишним раз подчеркивает одну из главных сегодня проблем – расположение стен по отношению к Троицкой надвратной церкви. Имеющейся информации кажется достаточно.

Археологические исследования 2018 г.

Исследования 2018 г. проводились, как и в 1951 г., в Митрополичьем саду Верхней лавры (рис. 4, 18.1-5). Раскопкам предшествовало разведывательное ручное бурение (27 скважин). По его результатам были заложены шесть траншей.

В двух из них (траншеи 2, 5) на месте раскопок В. Богусевича повторно и в трех траншеях рядом (траншеи 3, 4, 6) впервые обнаружены остатки монументальной конструкции древнерусского времени – фундаменты разной степени сохранности и полуразрушенные фрагменты стены и фундаментной площадки [Taranenko 2019b] (рис. 8).

Фундамент состоял из двух параллельно расположенных рвов, забутованных, кроме немногочисленных фрагментов плинфы, камнями. Забутовка состояла из осадочных (полево-шпат-кварцевые и железистый песчаники; известняк брекчированный, окременелый; кварцито-песчаники), метаморфических (гнейс, амфиболиты, кварцит) и магматических (граниты) пород. Камни в большинстве имеют остроугольную форму, что свидетельствует об их механической

обработке. Глубина закладки рвов колеблется от 0,3 до 0,6 м, ширина – около 0,9 м. Таким образом, общая ширина фундаментов фортификационной стены монастыря была до 2,8 м (рис. 9).

Верхняя часть фундаментов представляет собой выровненную площадку, состоящую из фрагментов плинфы, залитых белым известковым раствором и, в меньшей степени, розовым известково-цемянковым. Её высота – до 0,15 м. Фундаментная площадка была основой для возведения наземной части стены, которая в 2018 г. была зафиксирована только в одном случае в виде ряда из двух плинф (траншея 4). Это подтверждает мнение В. Богусевича о конструкции – она состояла из двух фасадных рядов плинфы, между которыми была забутовка из смеси известкового раствора и фрагментов плинфы вторичного использования. Полученные материалы позволяют реконструировать ширину наземной части стены до 2 м. Сведений для реконструкции высоты верхней части стены в 2018 г. не получено.

В ходе исследования обработаны 1178 фрагментов древнерусских строительных материалов. Из них 283 фрагмента плинфы *in situ*. Их морфологический анализ выявил, что для забутовки внутреннего пространства верхней

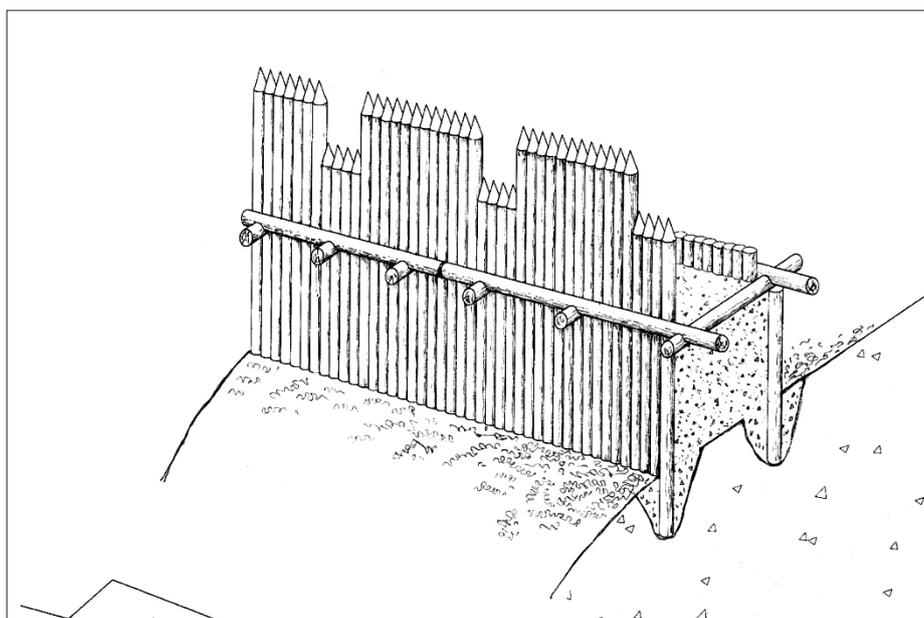

Рис. 7. Реконструкция «столпия» XI в. (автор В. Лукьянченко).

Fig. 7. Reconstruction of the "pillar" of the 11th c. (author V. Lukianchenko).

части стены и для создания известково-цемяночного раствора пользовались строительными материалами, которые остались после возведения более ранних монументальных сооружений Киево-Печерского монастыря (XI-XII вв.). Для обоих фасадов стены, возможно, специально изготавливали малоформатную плинфу размерами 26-28×18-21×4-4,5 см [Makhota 2018]. По типологии древнерусских строительных материалов Д. Ёлшина такой формат плинфы можно датировать концом XII – началом XIII в. [Elshin 2014].

Для петрографического анализа в 2018 г. (определение Ю. Стриленко) был отобран 21 фрагмент строительных материалов: 6 ед. плинфы, 5 ед. камней, 1 ед. фресковой живописи, 9 ед. известково-цемяночного раствора. Визуальный анализ образцов (цвет, прочность, включения) и анализ под микроскопом (микроструктура, температура обжига) позволил сделать предположение, что вероятный период постройки стены конец XI-XII вв.

Вещевой материал, хотя и представлен практически всеми основными категориями (керамика, металл, стекло, кость), но достаточно небольшой в количественном отношении. Это неудивительно, поскольку исследуемый объект не является частью жилищно-хозяйственного комплекса, в заполнении которых обычно

содержится большое количество материала. Находки происходят преимущественно из засыпки конструкции, и вряд ли их датировка может повлиять на дату строительства стен. Более того, индивидуальные находки имеют широкий хронологический диапазон бытования: два фрагмента литого створчатого металлического браслета с растительным плетеным орнаментом – XII-XIV вв.; фрагмент литого «перевитого» бронзового браслета – XI-XIV вв.; бронзовая литая лировидная пряжка без перемычки между фигурной рамкой и приемником для ремня – XI-XII вв.; две свинцовые пломбы дорожечинского типа со знаками с обеих сторон – XI-XIII вв.; кость для игры «бабки» из проксимальной фаланги быка – XI-XIII вв. и т.д. (рис. 10).

Таким образом, зафиксированную в 2018 г. конструкцию по технологии сооружения и использованным строительным материалам можно датировать концом XII в. и интерпретировать как остатки каменной стены Печерского монастыря.

Консервация 2018 г.

По окончании работ было принято решение о временной консервации выявленных остатков монументального фортификационного сооружения в траншеях 2, 3, 4, 6. Согласно методике проведения археологических иссле-

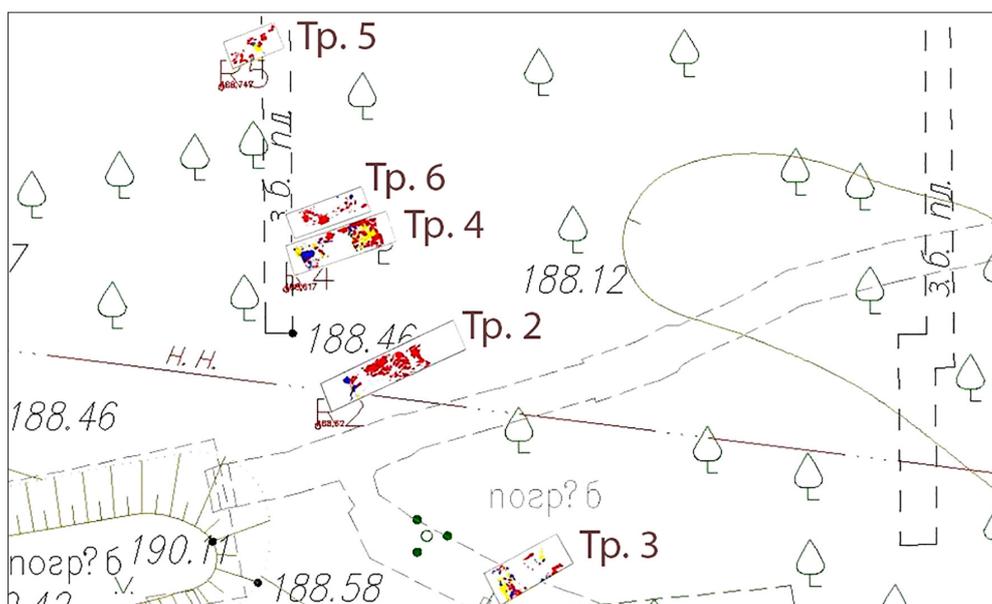

Рис. 8. План размещения траншей 2018 г. в Митрополичем саду (в траншеях красный цвет – плинфа; жёлтый цвет – железистый песчаник; синий цвет – камни).

Fig. 8. Plan for the placement of trenches in 2018 in the Metropolitan Garden (in the red trenches – plinth; yellow – iron sandstone; blue – stones).

дований, археологическое раскрытие памятника необходимо завершить еще в летний период, а консервацию или реставрационные работы провести до начала осенних дождей и заморозков. Ведь оставленные не законсервированными остатки строительных конструкций и земляные стенки раскопов под влиянием негативных природных факторов (осенние дожди, снег, циклические процессы замерзания-оттаивания и др.) начинают быстро разрушаться. Потери за осенне-зимний период могут при этом составлять до 50%. Консервационные мероприятия были разбиты на несколько этапов [Taranenko 2019a] (рис. 11):

- была разработана методика временной глухой консервации объекта, в которой учтены рекомендации В. Козюбы и Ю. Лукомского. На выбор мероприятий по консервации влияло как состояние сохранности памятника, так и характер почв и гидрологического режима территории. При временной глухой консервации раскрытых каменных субстанций учтена недопустимость проникновения в них поверхностных вод, а также возможность негативного воздействия на них мороза в зимний период. Вместе с тем нужно было обеспечить возможность удобного повторного их раскрытия в будущем. Научно-исследовательский сектор археологии

рассчитал количество материалов, исходя из размеров траншей. В частности, для засыпки конструкций понадобилось 23 тонны песка;

- по методике проведения консервационных работ на монументальных памятниках по окончании работ обнаруженные сооружения засыпают слоем песка (лучше речным). Заповедником был закуплен именно речной песок, которым и перекрыли конструкцию минимум на 20 см над ней сверху. Насыпь нивелировали таким образом, чтобы образовался наклон оси запад – восток до 15° для оттока поверхностных вод;

- для обеспечения безопасности конструкций от возможного чрезмерного промерзания на слой песка положено утеплительное покрытие (экструзионный пенополистирол TECHNOLICOL). Это универсальный синтетический материал нового поколения, который имеет широкий круг использования. Важно то, что пенополистирольные плиты имеют повышенную прочность, устойчивы к воздействию влаги, кислотных растворов, щелочей и спиртов, гниению и образованию грибов. Во время консервации конструкцию максимально плотно перекрыли пенополистирольными плитами;

- все поверхности накрыты пароизоляционной пленкой (паробарьер серый без перфо

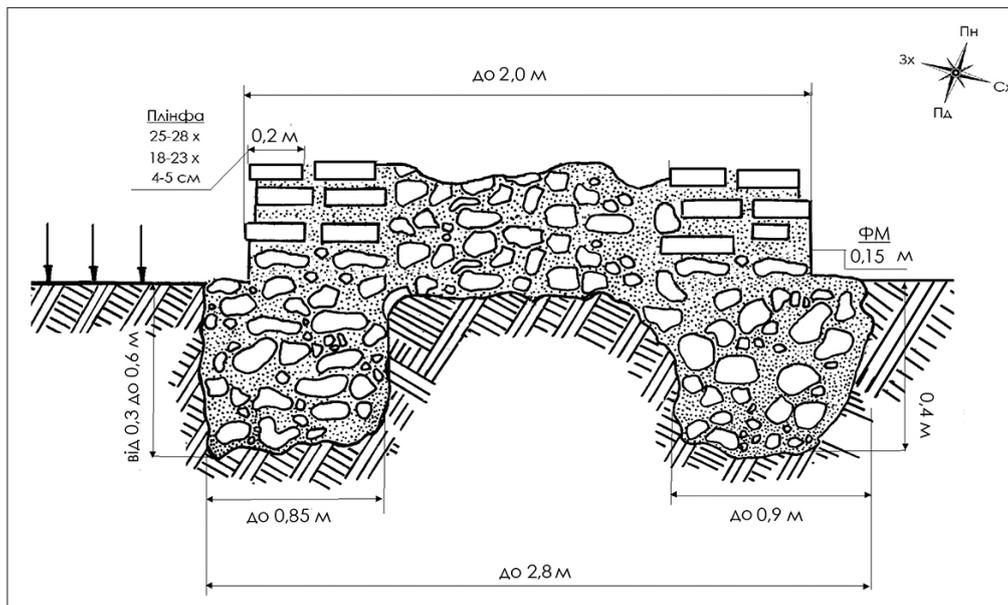

Рис. 9. Реконструкция стены Печерского монастыря XII в. (автор С. Тараненко).

Fig. 9. Reconstruction of the wall of Pechersk monastery, 12th c. (author S. Taranenko).

рации X-TREME). Важными особенностями этой пленки является ее жаростойкость $+70^{\circ}\text{C}$ и водонепроницаемость – W1. Водонепроницаемость – устойчивость пленки к давлению водяного столба. Например, при давлении водяного столба высотой 200 мм пленка с маркировкой W1 в течение 2-х часов не пропускает ни капли. При накрытии пленкой обеспечили ее вынос до 0,3-0,5 м за контур траншей;

- проведена засыпка всех траншей грунтом выше уровня современной дневной поверхности до 0,3 м с наклоном по оси запад-восток для стока поверхностных вод.

Проведенные консервационные мероприятия позволяют быть уверенными, что исследованные остатки монастырских стен будут сохранены и готовы к повторному открытию с целью музеефикации этого археологического объекта в рамках планируемого Археологического парка Национального заповедника «Киево-Печерского лавра».

Аналогии

Каменные фортификационные стены известны по археологическим источникам и в других городах Киевской Руси. Выявлено их не много и различаются они, в первую очередь, тем, какие объекты они должны были защищать (или маркировать их границы). В Киеве

[Karger 1961, 206-213; Rappoport 1982, 6-116; Movchan et al. 1999] и Переяславе [Kolibenko 2015, 20-22] стены ограждали митрополичий и епископский дворы, в Старой Ладогe [Kirpichnikov 1977a; 1977b] и Изборске [Sedov 1975; 1976; Sedov, Gaidukov 1979] – крепости, во Владимире на Клязьме [Voronin 1949] (рис. 9) они защищали городище. Во-вторых, конструкции стен и фундаментов отличались как строительным материалом, так и технологией выполнения.

Наиболее корректными для сравнения со стенами Печерского монастыря, конечно, являются примеры строительства в Южной Руси (Митрополичего двора города Ярослава в Киеве, Епископского двора в Переяславе) и Владимире-на-Клязьме. Первые два примера близки территориально (влияние традиций ощущается априори), а последний пример близок как по времени строительства, так и потому, что стены были зафиксированы в комплексе с воротами (рис. 12). Это очень важно, поскольку Печерские монастырские стены зафиксированы с северной и южной сторон Троицкой надвратной церкви (парадный вход), но реконструкция их примыкания к ней еще является предметом дискуссии.

Сравнительный анализ выявил отсутствие полной идентичности стен Печерского

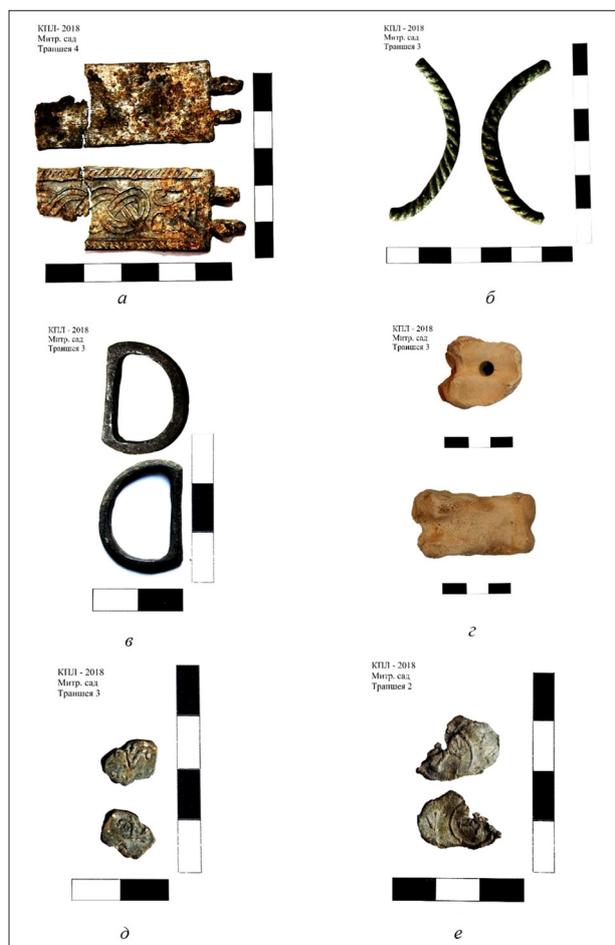

Рис. 10. Индивидуальные находки из раскопок С. Тараненко, 2018 г. (а – два фрагмента литого створчатого металлического браслета с растительным плетеным орнаментом – XII-XIV вв.; б – фрагмент литого «перевитого» бронзового браслета – XI-XIV вв.; в – бронзовая литая лировидная пряжка – XI-XII вв.; г – кость для игры «бабки» из проксимальной фаланги быка - XI-XIII вв.; д-е – две свинцовые пломбы дорогичинского типа – XI-XIII вв.).

Fig. 10. Individual findings from the excavations carried out by S. Taranenko, 2018 (a – two fragments of the cast hedged metal bracelet with a floral braided ornament, 12th-14th c.; b – a fragment of a cast “twisted” bronze bracelet, 11th-14th c.; c – bronze cast lyre-shaped buckle, 11th-12th c.; d – bone for “knuckle” playing from the bull proximal phalanx, 11th-13th c.; d-e – two lead seals of the Dorogychyn type, 11th-13th c.).

монастыря с другими достопримечательностями. Использование определенных материалов и техники строительства позволяет сделать следующие выводы:

1. Стены сложены из плинфы, как и в городе Ярослава в Киеве, и, наверное, в Переяславе (исключительно из-за отсутствия других строительных материалов в регионе в древнерус-

ский период). Но ширина стены существенно отличается – Печерские монастырские стены являются широкими – около 2 м. По нашему мнению, это связано непосредственно с конструкцией стены. Если стены митрополичего и епископского дворов сплошные, то монастырская стена трехчастная: два ряда плинфы с каждой стороны, а между ними забутовка из строительного мусора (фрагменты плинфы и куски раствора). Похожая техника использована при строительстве крепостей в Старой Ладоге и Изборске. Эти два памятника ближе к стене Печерского монастыря по датировке. Итак, можно сделать предположение о появлении в XII в. в городах Киевской Руси такой особенности в технике строительства фортификационных сооружений;

2. Фундаменты стен Печерского монастыря состояли из двух рвов, что делает памятник уникальным среди других известных сегодня. Параметры глубины рва отличаются на каждом зафиксированном объекте. Более того, они могут быть не одинаковыми в пределах одной достопримечательности (примером могут служить зафиксированные фундаменты стен Митрополичего двора города Ярослава в Киеве). Это указывает на то, что мастера исходили из особенностей топографии и локальных «важнейших» участков самой конструкции и могли варьировать мощность стен и фундаментов при необходимости. Заполнение рвов – это то, что объединяет памятники Южной Руси: использование местных материалов (камни из железистого песчаника и других геологических пород) и строительных отходов, пролитых известково-цементным раствором. Единственным отличием является использование в некоторых местах фундаментов стен Митрополичего двора города Ярослава в Киеве в основе рва деревянных брусков – «лежней».

Реконструкции

Подготовка к строительству стен. До появления каменных стен в Печерском монастыре существовала ограда в виде «столпия» – древо-земляного укрепления: «А ігумен і братія заложили церкву велику, і монастир обгородили стовп’ям, і келій поставили багато, і церкву завершили, і прикрасили її іконами. І відтоді почали називати монастир Печерським; тому що жили

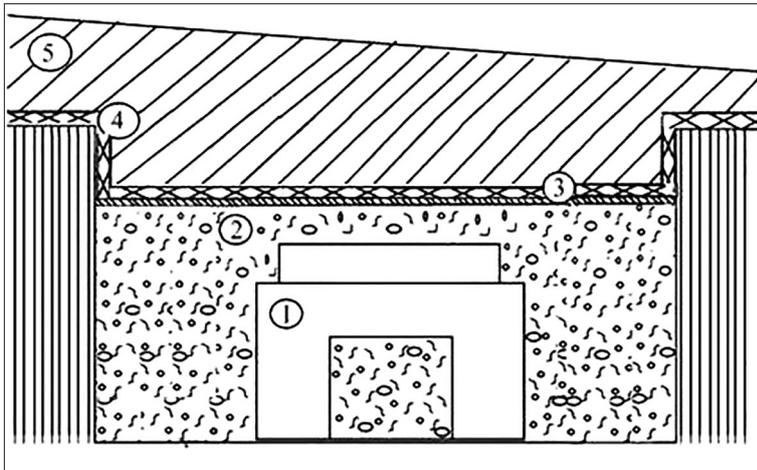

Рис. 11. Схема временной консервации 2018 г. (1 – стена; 2 – песок; 3 – утеплитель; 4 – пароизоляционная плёнка; 5 – насыпной грунт).

Fig. 11. Scheme of temporary conservation, 2018 (1 – wall; 2 – sand; 3 – insulator; 4 – vapor barrier sheet; 5 – filled soil).

було ченці раніш у печері, то од того прозався монастир Печерським» [Litopis 1989, 97]. В 2007 г. удалось зафиксировать фрагмент двух ям, которые С. Балакин связывал с рвами «столпия». Исследования в Митрополичем саду (1951 и 2018 гг.) позволили создать реконструкцию стен, на которых нижняя часть фундаментной группы состояла именно из двух рвов. Такая конструкция является уникальной для известных древнерусских памятников каменных фортификаций. Возможно, эта уникальность связана именно с тем, что строители стен воспользовались рвами предыдущей конструкции столпия (?). На реконструкции В. Лукьянченко оно изображено именно из двух линий вертикальных столбов, углубленных в грунт. Такая версия (поддержанная В. Козюбой при осмотре раскопа 2018 г.) нуждается в доказательствах, полученных на новых участках археологически открытых стен.

Проведенное на раскопе в 2018 г. дополнительное геоморфологическое исследование позволило также частично реконструировать некоторые аспекты инженерно-строительной подготовки перед строительством стен (а возможно и «стовпья») по крайней мере на участке Митрополичего сада.

В траншее 3 исследованы два фундаментных рва. На этом участке остатки стен более всего подверглись раскрытию и разборке конструкций, очевидно, в XIX–XX вв. с целью добычи строительного материала. Стратиграфия

в траншее 3 отличалась от других большим количеством запусков в верхней части и равномерно расположенным гумусированным чистым грунтом светло-серого цвета, который наверняка был переотложенным и насыпным перед строительством стены. Конструкция восточного рва цельной не сохранилась, параметры и заполнения повреждены поздними прокопами. Западный ров зафиксирован на отметке 0,6 м от современной дневной поверхности, глубина 0,65 м, ширина 0,9 м. Нижняя часть горизонтальная, ровная. В заполнении находилось два (местами один) ряда из колотого камня и валунов железистого песчаника. Камни уложены не хаотично, а максимально подогнаны друг к другу, хотя и со «свободными местами», как результат поздней разборки для хозяйственных целей. На камнях и фрагментах плитки зафиксирован известково-цемянковый раствор, которым «проливали» конструкцию забутовки рва. С восточной стороны западного рва зафиксирована вертикальная трещина, которая размещалась под углом 30° к центру стенки с отметки 0,9 м от современной дневной поверхности до дна траншеи (2,0 м). Ее характер четко установить не удалось (рис. 13).

По версии геоморфолога С. Романчука, зафиксированный овраг с южной стороны монастырских «Мазепинских» стен, очевидно, существовал и в древнерусский период, и значительно повлиял на ландшафт этого участка. Первые строители монастыря видели достаточно волнистую и изрезанную поверхность из-за ответвления оврага, и поэтому на подготовительном этапе они засыпали ложбины по трассе стены и упорядочили рвы под фундамент. Однако свежая насыпь не подходит в качестве основы для фундамента. Для этого должна произойти усадка. Естественным образом это длится не один год. Уплотнять насыпь можно послойно в процессе отсыпки с применением трамбовки. Именно эти следы, по мнению С. Романчука, обнаруженные в ходе исследования в траншее 3 в 2018 г. В разрезе под фундаментом обнаружен очень плотный, темный, комковатый субстрат. По механическому составу – это суглинок с

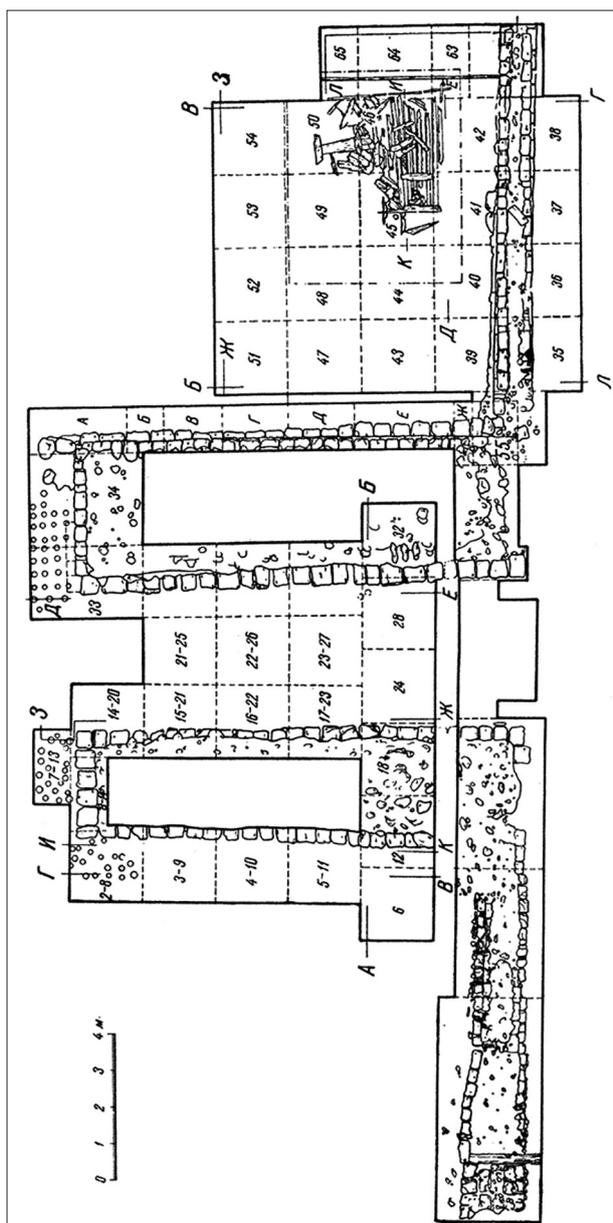

Рис. 12. Оборонительные сооружения во Владимире на Клязьме, XII в.

Fig. 12. Defense constructions in Vladimir city located on the Klyazma River, 12th c.

примесью песка и органики в виде гумуса. Комки неправильной формы легко отделяются друг от друга. По размеру они значительно превышают комки природного происхождения. Создается впечатление, что они образовались вследствие трамбовки (возможно, в увлажненном состоянии). Суглинок, вероятно, взят рядом, но песок надо искать в овраге в промоинах или на участке с очень смытой поверхностью. Еще одно доказательство искусственного проис-

хождения этой подсыпки – несогласованность залегания отдельных фрагментов и наличие щелей (трещин?) вертикального направления, но неправильной формы. То есть различного происхождения материал не трансформировался в сплошную массу. Доказательством также может быть проверка ручным бурением уровня материка в траншеях 2, 3, 4. На участке длиной всего 15 м уровень материка снижлся более 0,6 м в южную сторону (в сторону оврага), это подтверждает версию о достаточно неровном участке перед строительством и его искусственным выравниванием до его начала.

Обращает на себя внимание материал заполнения фундаментных рвов, а конкретнее – камни. Практически каждый экземпляр имеет остроугольную форму, что свидетельствует об их механической обработке, то есть проходил определенный подготовительный период перед их укладкой. Камни размещали максимально вплотную друг к другу, чтобы обеспечить плотность заполнения фундаментного рва, однако они не были промазаны раствором, а как бы пролиты им, что обеспечивало определенную монолитность конструкции, но, очевидно, не полностью. Наверное, опыт строителей подсказывал, что масса самой стены, опирающейся на такую фундаментную группу, создаст достаточную безопасность. Анализ источников каменного сырья свидетельствует о том, что его происхождение является местным, с максимальным удалением мест сбора в 100 км от Киева. Возможно, камни доставляли жители сел, принадлежащих Печерскому монастырю.

Еще одна особенность конструкции рвов, которая пока не имеет четкого объяснения, – ров с напольной (западной стороны) имеет вертикальную стенку, а ров с восточной стороны наклонен внутрь конструкции. Археологическое подтверждение получено в ходе исследований 2018 г. в нескольких траншеях (рис. 9). Одна из версий такой конструкции также связана со столпием. Возможно, перед началом строительства стен был проведен демонтаж остатков древо-земляных укреплений и даже при уничтожении их верхней части, должны были остаться нижние части бревен, вкопанные в почву. При их удалении методом расшатывания и последовательного извлечения во рвах и мог образоваться небольшой наклон, который

Рис. 13. Траншея 3. Восточная стенка западного рва. Раскопки С. Тараненко, 2018 г.

Fig. 13. Trench No. 3. Eastern wall of the western moat. Excavations carried out by S. Taranenko, 2018.

поправлять не стали и забутовали камнями уже такую конструкцию. Более основательное объяснение, конечно, можно получить при дальнейших археологических исследованиях.

Конструкция сооружения

Наиболее информативными для создания реконструкции стен Печерского монастыря стали раскопки 1951 г. (В. Богусевич) и 2018 г. (С. Тараненко). Принципиально они не отличаются, но различаются некоторые параметры как фундаментной части, так и верхней, и это, собственно, на одном участке длиной около 15 м. Фиксация стен на других локациях не только подтверждает их существование, но и предоставляет некоторые косвенные данные о конструкции. Но можно сказать с уверенностью, что параметры конструкции

стен не были абсолютно одинаковыми по всей трассе. Особенности рельефа (размещение оврагов с южной и северной стороны) и планировочной структуры монастыря вносили свои коррективы в проект строительства.

Данных для реконструкции высоты стен, на наш взгляд недостаточно, но В. Богусевич такую попытку сделал. Во время исследований 1951 г. ему удалось зафиксировать на расстоянии нескольких метров к юго-западу от остатков стены в раскопе 1 на территории Митрополичьего сада «развал кирпича и цемьянки на протяжении 6 м» [Bogusevich 1951]. Развал размещался на глубине 0,6 м от поверхности, размеры плинфы были аналогичными зафиксированным в раскопе, и большая часть плинфы лежала на торце, что, по мнению В. Богусевича, могло образоваться при падении стены. От стены *in situ* до крайней точки развала расстояние составляло 6 м. На основании этого В. Богусевич предположил, что высота стен достигала 6 метров. Однако, во-первых, развал плинфы вряд ли может быть надежной информацией для реконструкции высоты стены, тем более он зафиксирован с западной стороны, то есть с напольной стороны, откуда стены должны были разрушаться, а не наоборот. Во-вторых, какая была необходимость строить 6-метровую стену? Вряд ли монастырь мог позволить себе строительство стен вокруг всей территории, включая нижнюю, а в случае нападения не трудно было зайти в монастырь именно с нее. По нашему мнению, строительство стен было больше связано не с обороной функцией, а с престижем монастыря. Стены должны были подчеркнуть его состоятельность, и, наверное, силу, прежде всего в Киеве перед княжеской властью. Практика «показательного» строительства достаточно известна в средневековых городах. В исследовании повседневности английских городов А. Охрименко отмечает, что в Англии в XIII в. многие города построили новые каменные стены, часто больше для престижа, чем для защиты [Okhrimenko 2019, 10].

Из немногочисленных аналогий реконструкции высоты древнерусских стен можно привести пример крепости Изборск: «первоначальная высота стены была, по-видимому, около 3 м» [Sedov, Gaidukov 1979]. Эта цифра кажется более реальной. Можно предложить

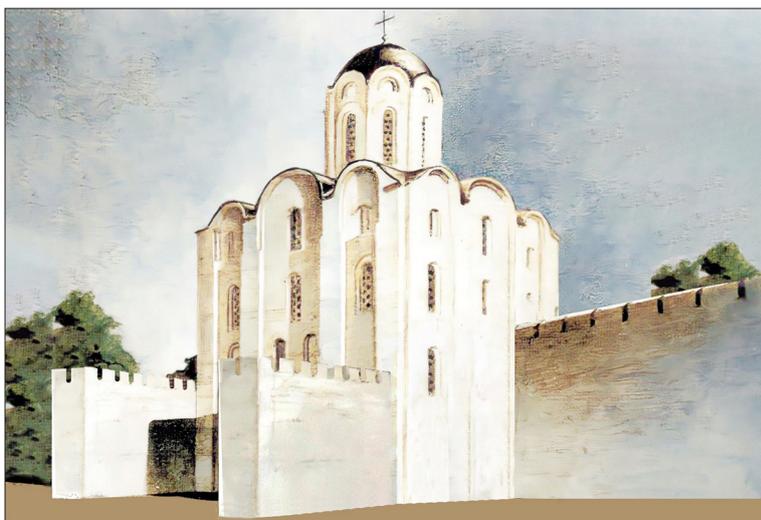

Рис. 14. Реконструкция С. Тараненко размещения каменных стен Печерского монастыря по отношению к Троицкой надвратной церкви (в качестве изображения церкви и стены использована реконструкция Ю. Асеева).

Fig. 14. Reconstruction of the placement of stone walls of Pechersk monastery with reference to the Trinity Church Gate, author S. Taranenko (church and wall images are taken from the reconstruction made by Yu. Aseev).

для рассмотрения параметры высоты стен Печерского монастыря от 3,5 до 4 м. Высота не могла быть меньше высоты всадника с поднятыми руками.

Планиграфия каменной стены

Древнерусский фортификационный объект исследован в 8 местах на территории Верхней лавры. Реконструированная длина западной трассы стены сейчас составляет около 212 м. К северу от Троицкой надвратной церкви стена прослеживается в основном под монастырскими «Мазепинскими» стенами, возведенными в конце XVII – начале XVIII вв., местами параллельно ей, на расстоянии 0,6 м от нее в восточном направлении. Плохая сохранность остатков стены XII в. на месте раскопок 1992 г. не позволяет с уверенностью сказать, продолжается ли она в северо-западной стене XVII-XVIII вв. или поворачивает на северо-восток, параллельно монастырским стенам.

К югу от Троицкой надвратной церкви стена XII в. поворачивала на юго-восток, на территорию современного Митрополического сада и на этом участке «Мазепинской» стены не повторяла ее трассу, а размещалась восточнее. Расстояние от траншеи 3 (место фиксации стен в Митропо-

lichem саду 2018 г.) до башни Ивана Кущника составляет 49 м. По аналогии со стенами вокруг Софийского собора в Киеве [Karger 1961, 206-213; Rappoport 1982, 6-116; Movchan et al. 1999] и епископского двора в Переяславе [Kolibenko 2015, 33] трасса стен Печерского монастыря тоже могла быть не четко ровной, с прямыми углами, а могла иметь местами округлую (плавную) линию. Очевидно, стены строили с учетом рельефа и планировочной структуры монастыря и плавные повороты могли существовать.

До сих пор остается предметом дискуссии примыкание каменных стен к Троицкой надвратной церкви (парадным воротам монастыря), построенной в 1108 г., согласно реконструкции В. Богусевича и Ю. Асеева стены выступают перед церковью с проезжей башней, которая как бы отодвинута внутрь крепости (рис. 5). Выдвинутые вперед на 7-8 м крепостные стены защищали подступы к воротам. Хотя при этом сам В. Богусевич замечал, что примыкание стен к северо-западному углу церкви было иным по сравнению с ее юго-западным углом. В этой работе уже не раз была критика известной реконструкции. Звучала критика и до этой публикации. Архитектор В. Лукьянченко достаточно доказательно предположил, что каменные стены XII в. примыкали к восточной стороне церкви и ворота (церковь) выступали перед стенами [Luk'ianchenko 2020]. Собственно, как и на реконструкции пока единственного исследованного древнерусского каменного фортификационного комплекса (ворота и стены с обеих сторон) во Владимире-на-Клязьме (рис. 12). Но как тогда объяснить фрагменты стен, зафиксированные В. Богусевичем в 1951 г. с южной стороны Троицкой церкви и С. Балакиным в 2007 г. с северной стороны? Можно предложить следующую реконструкцию: оборонные стены примыкали с восточной стороны церкви, а от северо-западного и юго-западного углов церкви отходили перпендикулярно трассе стены, две каменные конструкции, образуя своеобразный курдонер (рис. 14). Подобный принцип размещения фортификационных стен известен в средневековой Европе, например из реконструкций Хайтабу (Хедебю) [Schietzel 2018, 28-29].

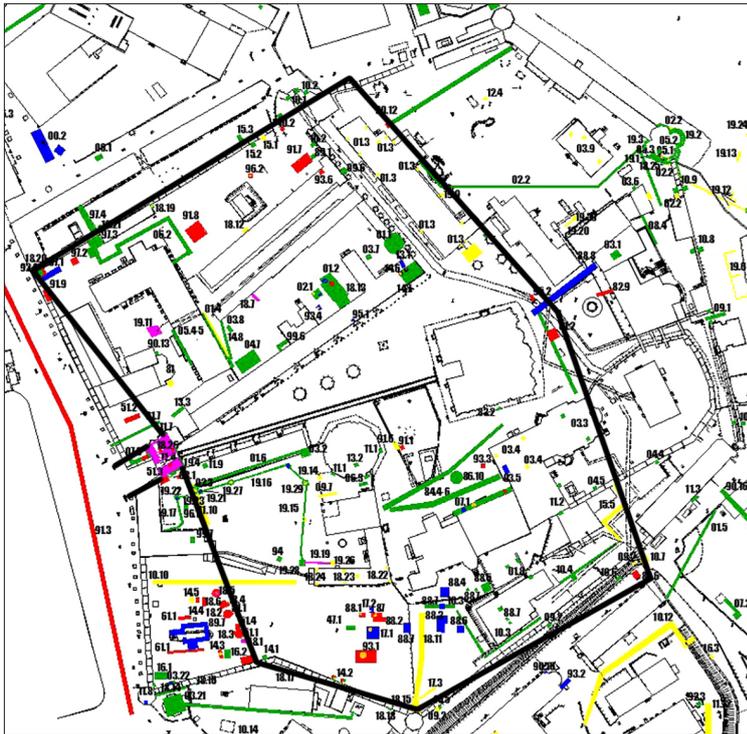

Рис. 15. Фрагмент электронной Археологической карты территории Национального заповедника «Киево-Печерская лавра» с гипотетической реконструкцией расположения каменных стен Печерского монастыря XII в. (автор С. Тараненко).

Fig. 15. Fragment of the electronic Archaeological map of the territory of the National Preserve «Kyiv-Pechersk Lavra» with the hypothetical reconstruction of the location of stone walls of Pechersk monastery, the 12th c. (author S. Taranenko).

Общее расположение стен на территории современной Верхней лавры – одна из важнейших проблем, которая непосредственно связана с реконструкцией планировочной структуры Печерского монастыря. Такую попытку предпринял В. Богусевич. По его мнению, восточный фасад крепостной стены XII в. проходил вблизи алтарей Успенского собора; южный фасад мог пролегать по краю холма, частично отвечая направлению «Мазепинских» стен; северный фасад древнерусской стены проходил значительно южнее их.

В. Бессонов для реконструкции использовал свидетельство Иннокентия Гизеля в «Синописе»: «Стена охватывала почти всю территорию современного монастыря с запада на восток, так как два стрельбища из лука составляют около 80-100 саженей (120-150 м), считая, что полет стрелы, выпущенной из лука, достигает в среднем 50 саженей (75 м). Границы на

север и юг определялись, как и в настоящее время, естественными урочищами: оврагом и склоном горы» [Bezsonov 2015, 60]. Очевидно, что для реконструкции планировки фортификации монастыря (да и не только фортификации) объективными могут быть лишь археологические источники.

Созданная практически через 70 лет после первой археологической фиксации стен археологическая карта территории современного Национального заповедника «Киево-Печерская лавра» конечно обогатила информационное поле в этой проблематике, но окончательного ответа не дала [Taranenko, Mis'ko, Zazhigalov 2019]. Основываясь на имеющихся объективных археологических данных, можно предложить гипотетическое размещение стен верхней части

Печерского монастыря (рис. 15):

- расположение западного фасада (неоднократно археологически исследованного) ни у кого не вызывает сомнений;

- северный фасад мы размещаем практически по трассе монастырской «Мазепинской» стены, которая на электронной археологической карте территории Заповедника проходит условной линией между зафиксированным объектами древнерусского периода и раскопками, где их не было;

- с восточной стороны Успенского собора информации явно недостаточно, маркерами для проведения условной трассы могут быть раскопки С. Килиевич [Kilievich 1961], В. Харламова [Kharlamov 1982], А. Сыромятникова [Syromiatnikov 1990; Syromiatnikov et al. 1995];

- южный фасад археологически не исследован, но мы можем уверенно говорить, что он, как и участок западного фасада южнее Троицкой церкви, не проходил по трассе «Мазепинских» стен. Как один из вариантов для реконструкции мы предлагаем использовать гравюру 1638 г. (рис. 16). В средневековье, как и в период модерна, было принято сохранять константы планировочной структуры городов и отдельных их локаций [Taranenko 2017, 71, 89-96]. Мы считаем, что ограда изображена от

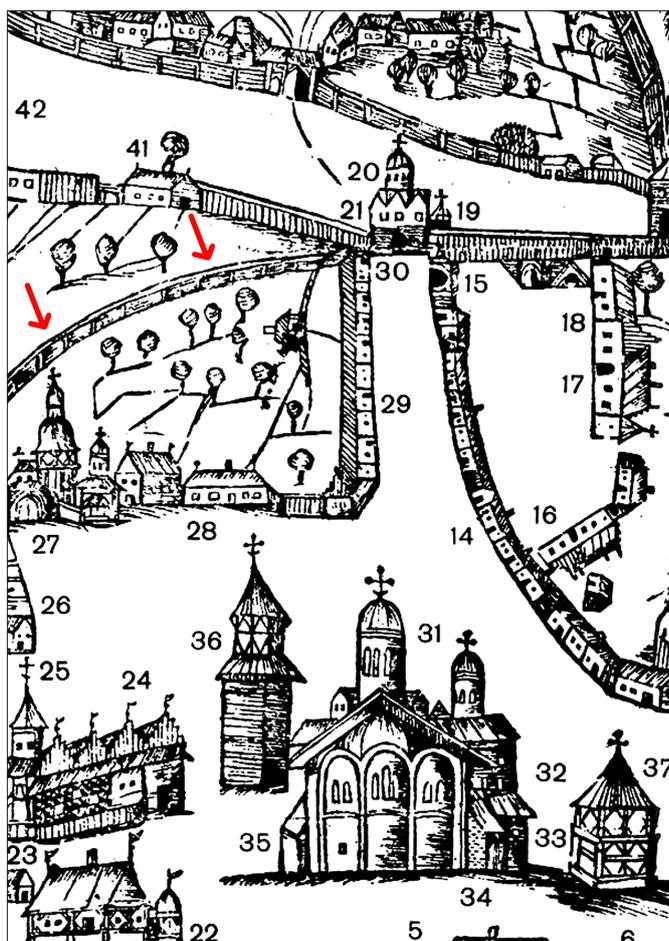

Рис. 16. План Верхней лавры на гравюре из книги А. Кальнофойского «Тератургима» (1638).

Fig. 16. Plan of Upper Lavra on the engraving from the book "Teraturgim" written by A. Kal'nofoisky (1638).

юго-восточного угла Троицкой церкви на юг, возможно, размещается по трассе древнерусских стен. К сожалению, изображение на гравюре не отражает четко южную часть Митрополичего сада и вообще южную часть Верхней лавры, но кажется, что такая реконструкция имеет право на существование.

Как бы ни банально звучало, но новые данные мы можем получить из новых археологических исследований и фундаментальных исследований рельефа. Последнее представляется крайне важным и необходимость таких исследований не раз отмечали и исследователи древнерусских монастырей [Kabanets' 2006]. В. Пуцко, анализируя планировочную структуру древнерусских монастырей, отмечал, что при сооружении зданий максимально использовали природные особенности рельефа, которые в зна-

чительной мере обусловили также общую структуру комплекса [Putsko 2006, 443-445].

Археологизация стен

Остатки, свидетельствующие о разрушении стены, по нашему мнению, до сих пор не найдены, хотя об этом и заявляли некоторые исследователи. Единственное упоминание в письменных источниках датируется 1638 г. Это сообщение в «Синописе» Иннокентия Гизеля: «нечестивии варвары овнами, или таранами стѣны каменные монастырскія столкши и до основания сокрушивши, въ святую обитель внидоша...» [Gizel' 1873, 87].

Откровенно трудно поверить, что нападавшие использовали тараны для атаки на загородный монастырь, но тем не менее стены были разрушены или разобраны же монахами под давлением захватчиков.

Выводы

Объективные данные позволяют утверждать о существовании по крайней мере с конца XII в. каменных стен Печерского монастыря, которые размещались на современной территории Верхней лавры. Их функциональное значение выходило за рамки фортификации, по аналогии со стенами средневековых городов они несли не только военно-стратегическое, но и символично правовое значение [Okhrimenko 2019, 103].

Реконструкция размещения стен, собственно, их трассы и общей длины возможна после комплексного исследования рельефа этой части Печерского плато. Очевидно, что первоначальное строительство ограды монастыря, да и вообще его планировочной структуры зависело от ландшафта. Безусловно, археологическое открытие большего участка стены может дать новые материалы, которые, возможно, позволят уточнить дату начала строительства, выделить периоды ремонтных работ или отдельных этапов строительства и, конечно, гибели стен Печерского монастыря. Такая возможность существует, территория Митрополичего сада позволяет открыть трассу участка более 20 м, но для этого должен быть решен вопрос музеефикации конструкций еще перед началом археологических исследований.

Библиография

- Aseev, Bogusevich 1951:** Iu. S. Aseev, V.A. Bogusevich, Voenno-oboronni stini XII st. Kievo-Pechers'koi lavri. Visnik Akademii arkhitekturi URSR 4, 1951, 39-45 // Ю.С. Асеев, В.А. Богусевич, Военно-оборонні стіни XII ст. Києво-Печерської лаври. Вісник Академії архітектури УРСР 4, 1951, 39-45.
- Balakin 2007:** S.A. Balakin, Zvit pro rezultati arkheologichnikh doslidzhen' na terytorii Natsional'nogo Kievo-Pechers'kogo istoriko-kul'turnogo zapovidnika u 2007 r. KPL-A-NDF. Inv. №699 // С.А. Балакин, Звіт про результати археологічних досліджень на території Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника у 2007 р. КПЛ-А-НДФ. Инв. №699.
- Bezsonov 2015:** S.V. Bezsonov, Arkhitektura Kievo-Pechers'koi lavry v ee istoricheskom razvitii (Kiev 2015) // С. В. Безсонов, Архитектура Киево-Печерской лавры в ее историческом развитии (Киев 2015).
- Bogusevich 1951:** V.A. Bogusevich, Arkheologicheskie raskopki v zapovednike Kievo-Pecherskoi lavry v 1951 g. NA IA NANU. Inv. №1951/8a (Kiev 1951) // Богусевич В. А., Археологические раскопки в заповеднике Киево-Печерской лавры в 1951 г. НА ИА НАНУ. Инв. № 1951/8a (Киев 1951).
- Elshin 2014:** D.D. Elshin, Drevnerusskaia plinfa: tekhnologiya i tipologiya. Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda, T. III (Kazan' 2014), 40-44 // Д.Д. Ёлшин, Древнерусская плинфа: технология и типология. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда, Т. III (Казань 2014), 40-44.
- Eremin 1955:** I.P. Eremin, Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo. Trudy otdela drevnerusskoi literatury 11, 1955, 342-367 // И.П. Еремин, Литературное наследие Кирилла Туровского. Труды отдела древнерусской литературы 11, 1955, 342-367.
- Gizel' 1873:** I. Gizel', Kievskii sinopsis (Kiev 1873) // И. Гизель, Киевский синопсис (Киев 1873).
- Golubinskii 1901:** E.E. Golubinskii, Istoriia Russkoi tserkvi, T. 1/I (Moskva 1901) // Е.Е. Голубинский, История Русской церкви, Т. 1/I (Москва 1901).
- Kabanets' 2006:** E.P. Kabanets', Pro formuvannia planovalnoi strukturi Kievo-Pechers'kogo monastiria u drugii polovini XI-XIII st. (na pidstavi dokumental'nikh dzherel ta komparativnikh danikh). In: (red. V.M. Kolpakova) Mogilians'ki chitannia 2005 roku: Monastirs'ki kompleksi v konteksti khristiians'koї kul'turi (Київ 2006), 177-199 // Є.П. Кабанець, Про формування планувальної структури Києво-Печерського монастиря у другій половині XI-XIII ст. (на підставі документальних джерел та компаративних даних) В зб. (ред. В.М. Колпакова) Могилянські читання 2005 року: Монастирські комплекси в контексті християнської культури (Київ 2006), 177-199.
- Karger 1961:** M.K. Karger, Drevnii Kiev, T. 2 (Moskva, Leningrad 1961) // М.К. Каргер, Древний Киев, Т. 2 (Москва, Ленинград 1961).
- Kharlamov 1982:** V.A. Kharlamov, Otchet o raskopkakh Uspenskogo sobora Kievo-Pecherskoi lavry v 1982 g. NA IA NANU. Inv. №1982/34e (Kiev 1982) // В.А. Харламов, Отчет о раскопках Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1982 г. НА ИА НАНУ. Инв. №1982/34e (Киев 1982).
- Kharlamov et al. 1991:** V.A. Kharlamov, V.N. Gonchar, G.V. Iaroshenko, Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh khoziaistvennogo dvora vblizi korpusa №22 na territorii Kievo-Pecherskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika v 1991 g. NA IA NANU. Inv. №1991/2a (Kiev 1991) // В.А. Харламов, В.Н. Гончар, Г.В. Ярошенко, Отчёт об археологических раскопках хозяйственного двора вблизи корпуса №22 на территории Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника в 1991 г. НА ИА НАНУ. Инв. №1991/2a (Киев 1991).
- Kharlamov et al. 1992:** V.A. Kharlamov, V.N. Gonchar, G.V. Trofimenko, Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Mazepinskoi steny na territorii khoziaistvennogo dvora Kievo-Pecherskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika v 1992 g. NA IA NANU. Inv. №1992/1a (Kiev 1992) // В.А. Харламов, В.Н. Гончар, Г.В. Трофименко, Отчет об археологических раскопках Мазепинской стены на территории хозяйственного двора Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника в 1992 г. НА ИА НАНУ. Инв. №1992/1a (Киев 1992).
- Kilievich 1961:** S.R. Kiliievich, Zvit pro arkheologichnu rozvidku v Kievi 1961 roku. NA IA NANU. Inv. №1951/61 (Kiev 1961) // С.Р. Кілієвич, Звіт про археологічну розвідку в Києві 1961 року. НА ИА НАНУ. Инв. №1951/61 (Киев 1961).
- Kirpichnikov 1977a:** A.N. Kirpichnikov, Ladoga i Pereiaslavl' Iuzhnyi – drevneishie kamennye kreposti na Rusi. In: (red. D.S. Likhachev) Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1977 (Moskva 1977), 417-427 // А.Н. Кирпичников, Ладога и Переяславль Южный – древнейшие каменные крепости на Руси. В: (ред. Д.С. Лихачев) Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977 (Москва 1977), 417-427.

Kirpichnikov 1977b: A.N. Kirpichnikov, Novootkrytaia Ladozhskaja kamennaja krepost' IX-X vv. In: (red. D.S. Likhachev) Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologija. Ezhegodnik 1977 (Moskva 1977), 441-455 // А.Н. Кирпичников, Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX-X вв. В: (ред. Д.С. Лихачев) Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977 (Москва 1977), 441-455.

Kolibenko 2015: O.V. Kolibenko, Episkops'kii dvir Pereiaslava Rus'kogo za pisemnimi dzherelami ta materialami arkheologichnikh doslidzhen'. Tserkva – nauka – suspil'stvo: pitannia vzaemodii. Materiali Trinadtsiatoi Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii, 27-29 travnia 2015 r. (Київ 2015), 20-22 // О.В. Колибенко, Єпископський двір Переяслава Руського за писемними джерелами та матеріалами археологічних досліджень. Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. Матеріали Тринадцятої Міжнародної наукової конференції, 27-29 травня 2015 р. (Київ 2015), 20-22.

Koziuba 2010: V.K. Koziuba, Davn'orus'ke «stolpie» za istoriko-leksichnymi ta arkheologichnimi materialami. Arkheologija 2, 2010, 42-50 // В.К. Козюба, Давньоруське «столпие» за історико-лексичними та археологічними матеріалами. Археологія 2, 2010, 42-50.

Litopis 1989: Litopis rus'kii / za ipat. spiskom per. L. Makhnovets' (red. O.V. Mishanich) (Київ, Дніпро 1989), XIV, 590, [1] с., [3] арк. іл. // Літопис руський / за Іпат. списком пер. Л. Махновець (ред. О.В. Мишанич), (Київ, Дніпро 1989), XIV, 590, [1] с., [3] арк. іл.

Luk'ianchenko 2020: V. Luk'ianchenko, Novyi pogliad na rekonstruktsiiu pochatkovogo vigliadu Troits'koi nadbramnoi tserkvi Kievo-Pechers'koi lavri. City History, Culture, Society 10 (3), 21-40. <https://doi.org/10.15407/mics2020.10.021> // В. Лук'янченко, Новий погляд на реконструкцію початкового вигляду Троїцької надбрамної церкви Києво-Печерської лаври. City History, Culture, Society 10 (3), 21-40. <https://doi.org/10.15407/mics2020.10.021>

Makhota 2018: O.O. Makhota, Analiz plinfi oboronnikh muriv Kievo-Pechers'kogo monastiria (za danimi rozkopok 1951-2018 rr.). I Vseukrainskii arkheologichnii z'їzd: Programa roboti ta anotatsii dopovidei, Nizhin, 23-25 listopada 2018 r. (Київ 2018), 184 // О.О. Махота, Аналіз плінфи оборонних мурів Києво-Печерського монастиря (за даними розкопок 1951-2018 рр.). I Всеукраїнський археологічний з'їзд: Програма роботи та анотації доповідей, Ніжин, 23-25 листопада 2018 р. (Київ 2018), 184.

Movchan et al. 1999: I.I. Movchan, Ia.E. Borovs'kii, S.I. Klimovs'kii, V.M. Gonchar, O.K. Sitom'iatnikov, Novi doslidzhennia starodavn'ogo Kieva («misto Iaroslava»). In: (red. D.N. Kozaka, N.O. Gavriiliuk) Arkheologichni vidkrittia Ukraїni v 1998-1999 rr. (Київ 1999), 28-31 // І.І. Мовчан, Я.Є. Боровський, С.І. Клімовський, В.М. Гончар, О.К. Ситом'ятников, Нові дослідження стародавнього Києва («місто Ярослава»). В: (під ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилюк) Археологічні відкриття України в 1998-1999 рр. (Київ 1999), 28-31.

Okhrimenko 2019: O. Okhrimenko, Povsiakdenne zhittia mist Angliї XI-XIII stolittia (Київ 2019) // О. Охріменко, Повсякденне життя міст Англії XI-XIII століття (Київ 2019).

Podskal'ski 1996: G. Podskal'ski, Khristianstvo i bogoslovskaja literatura v Kievskoi Rusi (988-1237). Izd. 2-e, ispr. i dop. [Subsidia Byzantinorossica, T. 1.] (Sankt-Petersburg 1996) // Г. Подскальски, Християнство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237). Изд. 2-е, испр. и доп. [Subsidia Byzantinorossica, T. 1.] (Санкт-Петербург 1996).

Ponyrko 1992: N.V. Ponyrko, Epistoliarne nasledie Drevnei Rusi XI-XIII vv. Issledovaniia, teksty, perevody (Sankt-Petersburg 1992) // Н.В. Поньрко, Эпистолярное наследие Древней Руси XI-XIII вв. Исследования, тексты, переводы (Санкт-Петербург 1992).

PSRL 1962: Polnoe sobranie russkikh letopisei, T. 2. Ipat'evskaia letopis' (Moskva 1962) // Полное собрание русских летописей, Т. 2. Ипатьевская летопись (Москва 1962).

Putsko 2006: V.H. Putsko, Arkhitekturnii kompleks davn'orus'kogo monastiria v konteksti khristians'koi kul'tury. In: (red. V.M. Kolpakova) Mogilians'ki chitannia 2005 roku: Monastirs'ki kompleksi v konteksti khristians'koi kul'tury (Київ 2006), 443-458 // В.Г. Пуцко, Архітектурний комплекс давньоруського монастиря в контексті християнської культури. В зб. (ред. В.М. Колпакова) Могилянські читання 2005 року: Монастирські комплекси в контексті християнської культури (Київ 2006), 443-458.

Rapport 1982: P.A. Rapport, Russkaia arkhitektura X-XIII vv.: katalog pamiatnikov. Arkheologija SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, vyp. E1-47 (Leningrad 1982) // П.А. Раппорт, Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. Археология СССР. Свод археологических источников, вып. E1-47 (Ленинград 1982).

Schietzel 2018: K. Schietzel, Spurensuche Haithabu: Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu. Dokumentation und Chronik 1963-2013 (Neumünster/Hamburg 2018).

- Sedov 1975:** V.V. Sedov, *Issledovaniia v Izborske*. AO 1974 g., 1975, 38 // В.В. Седов, *Исследования в Изборске*. АО 1974 г., 1975, 38.
- Sedov 1976:** V.V. Sedov, *Raskopki v Izborske*. AO 1975 g., 1976, 43 // В.В. Седов, *Раскопки в Изборске*. АО 1975 г., 1976, 43.
- Sedov, Gaidukov 1979:** V.V. Sedov, P.G. Gaidukov, *Issledovaniia Izborskogo gorodishcha*. AO 1978 g., 1979, 37-38 // В.В. Седов, П.Г. Гайдуков, *Исследования Изборского городища*. АО 1978 г., 1979, 37-38.
- Shchapov 1989:** Ia.N. Shchapov, *Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi X-XIII vv.* (Moskva 1989) // Я.Н. Шапов, *Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв.* (Москва 1989).
- Syromiatnikov 1990:** A.K. Syromiatnikov, *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniakh i nabliudeniakh na territorii MO KPGIKZ v 1990 g.* NA IA NANU. Inv. №1990/50 (Kiev 1990) // А.К. Сыромятников, *Отчет об археологических исследованиях и наблюдениях на территории МО КПГИКЗ в 1990 г.* НА ИА НАНУ. Инв. №1990/50 (Киев, 1990).
- Syromiatnikov et al. 1995:** A.K. Syromiatnikov, S.A. Balakin, A.P. Pakhar, *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniakh v 1995 g. na territorii Kiieva i «Kievo-Pecherskogo istoriko-kul'turnogo gosudarstvennogo zapovednika».* NA IA NANU. Inv. №1995/70 (Kiev 1995) // А.К. Сыромятников, С.А. Балакин, А.П. Пахар, *Отчет об археологических исследованиях в 1995 г. на территории Киева и «Киево-Печерского историко-культурного государственного заповедника».* НА ИА НАНУ. Инв. №1995/70 (Киев 1995).
- Taranenko 2017:** S. Taranenko, *Planuval'na struktura davn'orus'kogo Podolu Kiieva: formuvannia ta rozvitok* (Varshava 2016) // С. Тараненко, *Планувальна структура давньоруського Подолу Києва: формування та розвиток* (Варшава 2016).
- Taranenko 2019a:** S.P. Taranenko, *Konservatsiia muriv XII st. Kievo-Pechers'kogo monastiria: metodika ta realizatsiia. Muzei ta restavratsiia u konteksti zberezheniia kul'turnoi spadshchini: aktual'ni vikliki suchasnosti.* In: *Materialy IV Mizhnar. nauk.-prakt. konf. m. Kiiv, 06-07 chervnia 2019 r.* (Kiiv, Kropivnits'kii 2019), 247-253 // С.П. Тараненко, *Консервация мурів XII ст. Києво-Печерського монастиря: методика та реалізація. Музеї та реставрація у контексті збереження культурної спадщини: актуальні виклики сучасності.* В: *Матеріали IV Міжнар. наук.-практ. конф. м. Київ, 06-07 червня 2019 р.* (Київ, Кропивницький 2019), 247-253.
- Taranenko 2019b:** S. Taranenko, *Nove vidkrittia u 2018 r. muriv Kievo-Pechers'kogo monastiria.* In: (red. A. Zakoscielnej) *Badania archeologiczne w Polsce srodkowoschodniej, zachodniej Bialorusi i Ukrainie w roku 2018. Streszczenia wystapien* (Lublin 2019), 41-42 // С. Тараненко, *Нове відкриття у 2018 р. мурів Києво-Печерського монастиря.* В: (red. A. Zakoscielnej) *Badania archeologiczne w Polsce srodkowoschodniej, zachodniej Bialorusi i Ukrainie w roku 2018. Streszczenia wystapien* (Lublin 2019), 41-42.
- Taranenko, Kabanets' 2019:** S. Taranenko, E. Kabanets', *Datuvannia muriv Pechers'kogo monastiria: analiz ta kritika dzherel'noi bazi.* *Ukrains'kii istorichnii zhurnal* 3, 2019, 93-107 // С. Тараненко, Е. Кабанець, *Датування мурів Печерського монастиря: аналіз та критика джерельної бази.* *Український історичний журнал* 3, 2019, 93-107.
- Taranenko, Mis'ko, Zazhigalov 2019:** S.P. Taranenko, Iu.V. Mis'ko, O.V. Zazhigalov, *Arkhelogichna karta Natsional'nogo Kievo-Pechers'kogo istoriko-kul'turnogo zapovidnika* (Kiiv 2019) // С.П. Тараненко, Ю.В. Мисько, О.В. Зажигалов, *Археологічна карта Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника* (Київ 2019).
- Tkachenko 2007:** M.V. Tkachenko, *Z istorii arkhelogichnikh doslidzhen' lavr'skikh muriv kintsia XII stolittia.* In: (red. V.M. Kolpakova) *Lavr'skii al'manakh: Kievo-Pechers'ka lavra v konteksti ukrains'koi istorii i kul'turi* (Kiev 2007), 48-51 // М.В. Ткаченко, *З історії археологічних досліджень лаврських мурів кінця XII століття.* В: (ред. В.М. Колпакова) *Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії і культури* (Киев 2007), 48-51.
- Voronin 1949:** N.N. Voronin, *Oboronitel'nye sooruzheniia Vladimira XII v.* In: (red. N.N. Voronina) *Materialy i issledovaniia po arkhologii drevnerusskikh gorodov, tom I* (Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR №11) (Moskva, Leningrad 1949), 201-243 // Н.Н. Воронин, *Оборонительные сооружения Владимира XII в.* В: (ред. Н.Н. Воронина) *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, том I* (Материалы и исследования по археологии СССР №11) (Москва, Ленинград 1949), 201-243.

Сергей Тараненко, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским сектором археологии Национального заповедника «Киево-Печерская лавра», ул. Лаврская 9, 01015, Киев, Украина, e-mail: taransun@ukr.net